

ЭТНОЛОГИЯ

Д. Дж. Андерсон¹, Е. М. Инешин², Дж. Зайкер³
Перевод М. Нахшиной⁴

¹УниверситетТромсо, Норвегия, E-mail: david.anderson@uit.no

²Иркутский государственный технический университет, Россия;
E-mail: lneshin@sibarchcentr.ru

³Государственный университет г. Бойси, США E-mail: E-maihjziker@boisestate.edu

⁴Абердинский университет, Шотландия E-mail: m.nakhshina@abdn.ac.uk

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДЕМОГРАФИЯ «ДАЛЬНОЙ ТАЙГИ» ДОЛИНЫ РЕКИ ЖУИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ¹

Вступление

Перепись часто ассоциируется с подсчетом населения. В то же время, люди всегда проживают в конкретных местах и, таким образом, место обычно является безмолвным участником демографического исследования. В этой статье мы представляем промежуточные результаты нашей работы по проекту, направленному на реконструкцию культурного ландшафта местности, расположенной на севере Иркутской области, и представляющей собой, на сегодняшний день, отдаленный район ориентированный на монопроизводство по добыче золота. Наш исследовательский проект направлен на использование методов полевой этнографической работы, этноисторической интерпретации и экологической археологии с целью изучения пересекающихся сред обитания эвенков, якутов, русских переселенцев и русских промышленников. Мы сфокусировали внимание на значении особых пространств, которые в официальных советских архивных документах часто обозначались как «стойбища», а сегодня, по определению местных жителей, часто носят название «полян» или «зимовий». Регистратор Приполярной переписи 1926-1927 А.Т. Самохин писал об этих пространствах в своих за-

метках очень подробно, хотя это и вызывало у него затруднения, поскольку такие пространства делали официальное разделение между «кочевым» и «оседлым» населением проблематичным. В этой статье мы хотим продемонстрировать, что для полноценного понимания взаимодействия человека и природного окружения необходимо более широкое понимание «обустроенной среды» (*the built environment*), которое включало бы поляны, дороги и деревья, подвергшиеся воздействию в процессе использования их человеком. Все это — материальные свидетельства гибкой и автономной культуры охотников-оленоводов. Мы предполагаем, что материальные свидетельства того, что Самохин описал как «хаотичное» и «полукочевое» существование, будет лучше охарактеризовать как адаптацию, базирующуюся на использовании речной долины как единого пространства. Не соглашаясь с предыдущими мнениями, согласно которым эта «еще не вполне оседлая» адаптация является признаком наполовину завершившегося влияния культурной эволюции, а также начавшегося вымирания древних кочевых форм. Мы считаем, что это полуоседлое использование пространства, на самом деле, является тонко отлаженным механизмом использования возможностей для охоты и торговли, открыв-

¹Основой данного текста послужил перевод с английского языка варианта главы которая печатается в сборнике посвященном приполярной переписи 1926-27 году (Anderson, Ineshin & Ziker in press). Перевод было отредактирован авторами и является другим вариантом чем тот, который будет опубликован на английском языке. Перевод было спонсирован при помощи гранта Совета по Социальным и Гуманитарным Исследованиям Канады («Baikal Archaeology Project» (SSHRCC MCRI 412- 2005-1005)). Исследование было проведено при финансовой поддержке Научного Совета Норвегии (проект «Homes Hearths and Households in the Circumpolar North» NFR 179316) и Национального Фонда Научных Исследований (США) Научного Фонда США (NSF 0631970).

шихся с развитием добычи полезных ископаемых и пушного промысла, и существовавшим в территориальных рамках «транзитных зон» по которым шло освоение горно-таёжного пространства Байкало-Патомского нагорья. Результаты наших этнографических работ свидетельствуют о том, что эти адаптационные механизмы практикуются и в настоящий постсоветский период. В этой статье мы подчеркиваем особое значение архива Приполярной переписи 1926-1927 года в обеспечении проектного каркаса, в который можно встраивать другие виды данных, такие как, например, особенности окружающего ландшафта, особенности расселения эвенков и якутов в рамках горно-таёжной зоны.

Основа проекта была предложена Евгением Инешиним, сотрудником Лаборатории Археологии Иркутского государственного технического университета. Выполняя просьбу профессора Дэвида Андерсона по нахождению и оцифровке трех поселенных бланков, хранящихся в государственном архиве Иркутской области (ГАИО 1468-1-2), которые соответствовали набору хозяйственных карточек, хранящихся в государственном архиве Красноярска (ГАКК 1845-1-78), он натолкнулся на детальное описание Самохиным долины реки Жуй. В поселенном бланке по озеру Толондо упоминается вскользь прежде неизвестное туземное кладбище, расположенное на «острове» на этом горном озере (ГАИО 1469-1-2: 35об.). Одним из авторов статьи, ранее была предложена модель дегляциации древних ледников в Байкало-Патомском нагорье, которая предлагала иную картину развития оледенений в обширной горной стране (Инешин, 2003). Район долины р. Жуй представлял особый интерес, как площадка на которой хорошо сохранились следы древних оледенений и датирующие его признаки. Образовавшееся в результате отступления древнего ледника, озеро Толондо представляет собой необычный с географической точки зрения феномен, поскольку являет собой большой и глубокий (до 43м) водоем со стоячей водой, расположенный в глубоко врезанном участке долины сформированной древним ледником. В средней части озеро соединено с р.Жуёй протокой, благодаря которой озеро становится своего рода естественным резервуаром для рыбы в течение практически всего года. Согласно данным переписи, в 1926-27 годах всего было выловлено 229 пудов рыбы, включая

такие ценные породы, как таймень, хариус и сиг. Пятиметровая терраса, разделяющая собственно озеро и реку Жую начала формироваться сразу после деградации ледника и находятся, по радиоуглеродным данным, в стабильном состоянии уже в течение более чем 9 тысяч лет. Известно, что Байкало-Патомское нагорье в целом характеризуется наличием древних напластований аллювиального и водно-ледникового генезиса, пораженных вечной мерзлотой. Данное обстоятельство делало район долины р.Жуи источником получения целого букета научных результатов имеющих принципиальное значение для палеоклиматологии, геоморфологии, археологии и палеоботаники в целом для всего нагорья.

Одним из соавторов статьи, Д. Андерсоном, было предложено применить некоторые исследовательские технологии по археологии ландшафта, предложенные шведскими учёными, чтобы разобраться в истории обитания человека в долине реки Жуй. Исследования Шелла-Оке Аронссона (Aronsson 1991; 1994) показали, что лесные поляны в северной Швеции часто возникали как места древних загонов для оленей на стоянках саамов. Затем они, в свою очередь, могли использоваться последующим пришлым населением в качестве сенокосных лугов для прокорма других видов животных. Исследование Аронссона доказывает, что то, что на первый взгляд может показаться лесной поляной возникшей естественным путём, на самом деле является комплексным артефактом, создаваемым на протяжении поколений оленеводов-охотников, применявших различные культивиационные технологии. Исходя из документов Приполярной переписи, можно предположить, что описываемый в них лесной ландшафт, состоящий из полей, бревенчатых построек и дорог, очень похож на тот, о котором говорит Аронссон и который используется совместно лесными саамами и шведскими фермерами. На первый взгляд, эта идея кажется странной, поскольку на сегодняшний день, в начале XXI века этот регион считается «пустым», как в смысле его слабой заселённости, так и в плане того, что он был сильно техногенно переработан в результате разработки месторождений россыпного золота на протяжении последних 150 лет. Более же глубокая история существования эвенкийского, якутского и, в последующем русского переселенческого населения дополнившего пер-

Таблица 1.
Современное коренное население отдельных населенных пунктов
Бодайбинского района по национальности (2002-2008)

Год	Населенный пункт	Эвенки	Якуты	Всего чел.
2008	Светлый	9	[2]	60
	Перевоз	24	38	1 281
	Кропоткин	4	[<30]	1 775
	Большой Патом	2	52	70
	Мамакан	5	0	2 150
	Бульбухта	[2-4 семьи]		
	Город Бодайбо			15 220
2002	Район Бодайбо (2002) Сельское население	89	202	27 321

Источник: данные за 2008г. получены в администрации Бодайбинского района, на момент 01.01.2008 [наши подсчеты приводятся в квадратных скобках]. Данные за 2002г. относятся к российской федеральной переписи.

вых после середины XIX века в этом регионе, которую мы оцениваем приблизительно в 800 лет, не сохранилась ни в письменных, ни в устных источниках.

Дж. Зайкер, один из соавторов статьи, провел сезон полевых работ в Бодайбинском районе, по этнографии и устной истории в регионе летом 2007 года с целью восстановления истории «местных» адаптационных практик охотников-оленоводо. Поначалу, он был сбит с толку категориями *якуты* и *русские*, широко бытующими в местной лексике. Эти локальные термины, которые относятся к «аборигенному населению» и «русским переселенцам» соответственно, на первый взгляд звучат, как национальные маркеры, различающие «якутов» и «русских». В процессе интервьюирования выяснилось, что слово якут относится к человеку якутского и/или эвенкийского происхождения, имеющему домашних оленей, а слово *русский* часто применяется к *старожилу*, который дифференцируется от вахтовых рабочих-горняков, работающих на месторождениях золотодобычи и который не обязательно является русским человеком. Полученные устные жизнеописания содержали немного черт, по которым можно было бы провести границу между переселенцем и аборигенным жителем. Действительно, в поздний имперский период истории долины в ней практиковался космополитический и

креолизованный тип землепользования, когда древние технологии охоты на дикого северного оленя и лося применялись наряду с относительно недавно возникшими стратегиями лесопользования, направленными на поддержание небольших стад лошадей и крупного рогатого скота. Предварительные работы доктора Зайкера сыграли важную роль в демонстрации основательности жизненного уклада, который, судя по всему, оставил очень древний след в окружающей среде.

Таким образом, эта статья суммирует результаты нашего коллективного исследования, объединяя данные, полученные в архивах, путем исследования окружающей среды и методом устной истории и направленные на то, чтобы привлечь внимание к среде, которая образована не фундаментами и структурами, но которая представляет собой культивируемое лесное пространство полей, дорог и деревьев. Мы исследуем этногенез не кровных линий и родословных, а мест, которые стали приютом для различных групп местных жителей.

Согласно замыслу проекта, работы по нему должны были осуществляться на протяжении трех летних полевых сезонов. Нами были выявлены и проанализированы материалы Приполярной переписи в Красноярском и Иркутском государственном архиве, а в 2002 — 2004 годах. В августе 2006 года небольшая группа исследователей

совершила путешествие к озеру Толондо с целью обнаружить местонахождение бывшего поселения «на острове на озере Толондо», а также абригенного кладбища. Планировалось проводить раскопки и разведку с целью выявления культурных маркеров. В ходе полевых работ группа установила ценные контакты с отдельными людьми, рассказы которых положили начало комплексной истории данного региона, и которые посоветовали места для проведения дальнейших исследований. В июне 2007 года вторая группа прошла от озера Толондо вдоль долины реки Жуй, осуществляя раскопки и документируя образцы современного землепользования. Ключевым моментом исследования явилось получение палеоэкологических данных из нескольких шурфов на озере Толондо и Нечёра.

Долина реки Жуй и Приполярная перепись

Река Жуя является крупнейшим левым притоком реки Чары, которая, в свою очередь, после слияния с рекой Олекмой, впадает в реку Лену, одну из центральных артерий северной Евразии. В первой половине своей протяженности Жуя представляет собой мощную горную реку, выходящую из берегов два раза в год, когда снег и дождь аккумулируются на Кодарском хребте, отроги которого отделяют Жую от реки Витим. Жуя становится менее бурной и пригодной для навигации только в том месте, где в нее впадает другой приток — река Хомолхо. Этот регион более известен просто как «Верховья Лены», либо благодаря двум, легендарным притокам реки Жуй — рекам Хомолко (в 1843 году здесь было открыто месторождение россыпного золота) и Вача (известная по песне барда Владимира Высоцкого). Для большинства западных и российских историков, а также многих российских школьников это место больше известно не своей гидрологией, а знаменитым расстрелом на Ленских приисках. Массовое убийство бастующих горняков и грузчиков золотых приисков «Лензото» на реке Бодайбо в 1912 году стало одним из событий, предшествовавшим второй русской революции и последующей гражданской войны (Melanson 1994; Rozenburg 1996). Эта долина носит название *дальней тайги* среди горняков, работающих на добыче золота на приисках, которые добираются туда из регионального центра Бодайбо — небольшо-

го города, расположенного на реке Витим (Лешков 1996).

На сегодняшний день долина реки Жуй является одной из самых дальних территорий Иркутской области. Она формирует водораздел, который определяет северо-восточную границу Бодайбского района. На реке находится один крупный населенный пункт — Перевоз — 1261 жителей включая русских, якутов и эвенков, ведущих подсобное хозяйство, охотников, оленеводов и работников многочисленных золотопромышленных рудников, по-прежнему действующих в данном регионе. Вверх по течению от Перевоза находится маленький прииск, так же со смешанным населением в 57-62 человека, под названием Светлый. Жители данного поселка заняты в основном на добыче золота, осуществляемой акционерной компанией «ЛенаГолдфилдс». В расцвет советского периода Светлый насчитывал 12500 человек, работавших в «Лензолото» на прииске Светлый. В настоящее время ЗАО «Светлый» по-прежнему зависит от деятельности фермеров в поселке, нуждаясь в поставках свежего мяса, молока и овощей для лагерей вахтовых рабочих.

Недолгого разговора с местными жителями достаточно для того, чтобы осознать, что для Бодайбо эта «дальняя тайга» еще недавно была сосредоточением маршрутов, вдоль которых осуществлялись различные поставки. Сегодня старики считают региональным центром деревню Мача на реке Лене (Лешков 1999). Топографическая карта 1866 года составленная Петром Кропоткиным (1873), служит отличной иллюстрацией того, как смешался этот центр деятельности. На этой передовой для своего времени карте точно отображены долины и притоки реки Лены, пересекаемые вьючными дорогами. Что касается системы реки Витим, то она сильно искажена на карте, поскольку в то время этот регион был по-прежнему неизвестной территорией. Эта старая граница — то, что можно описать как «Центральная тайга» — была главным сосредоточением маршрутов промышленников занимавшихся пушной торговлей, осуществляемой через казачьи зимовья — пункты сбора пушного ясака. Построенные вначале в устье реки Олекмы острожек (1643), а затем зимовья в месте впадения Жуй в реку Чару (1648) и на реке Патом (1670е гг.) (Долгих 1960: 480-482). Район верхней Лены был

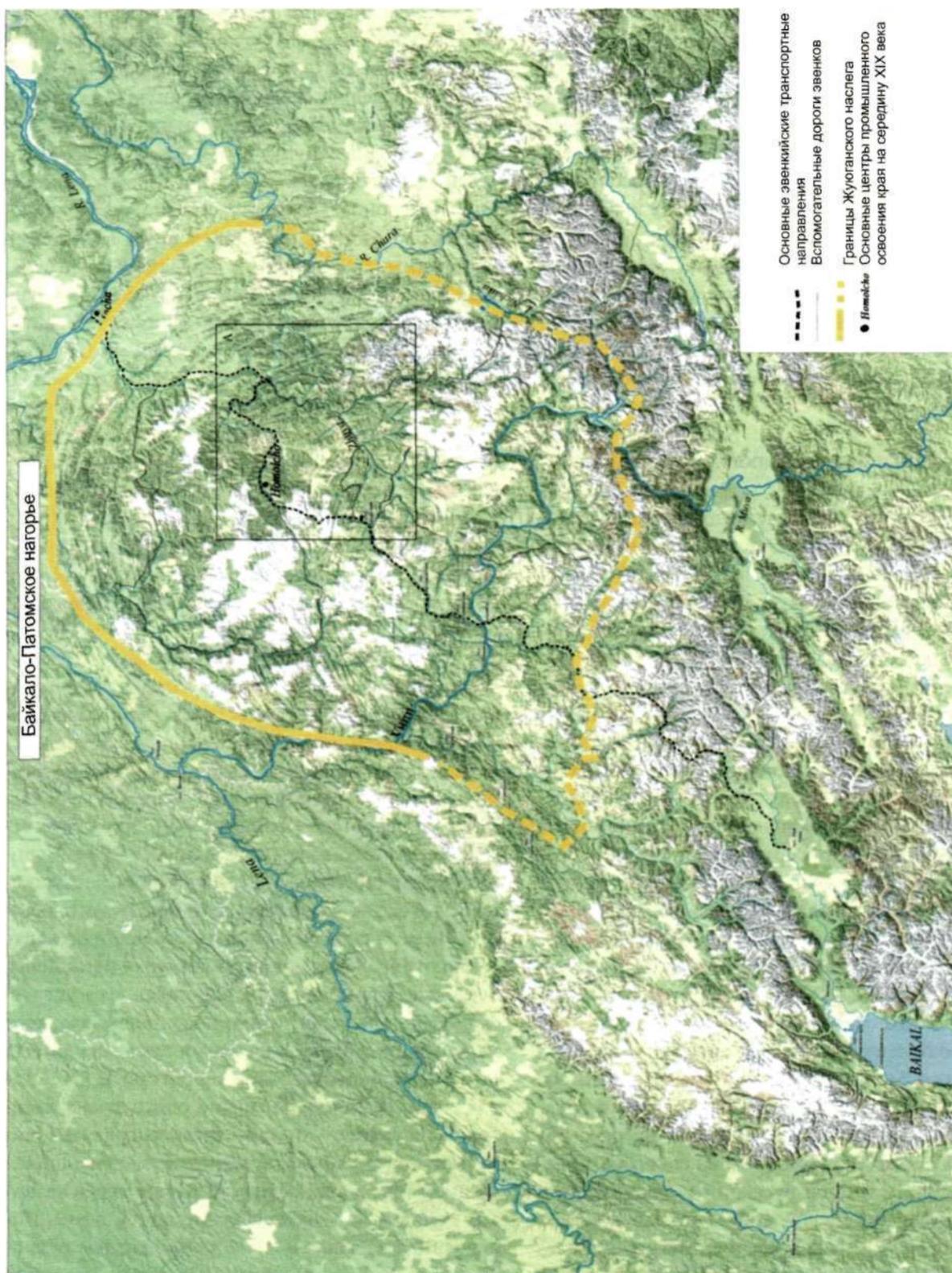
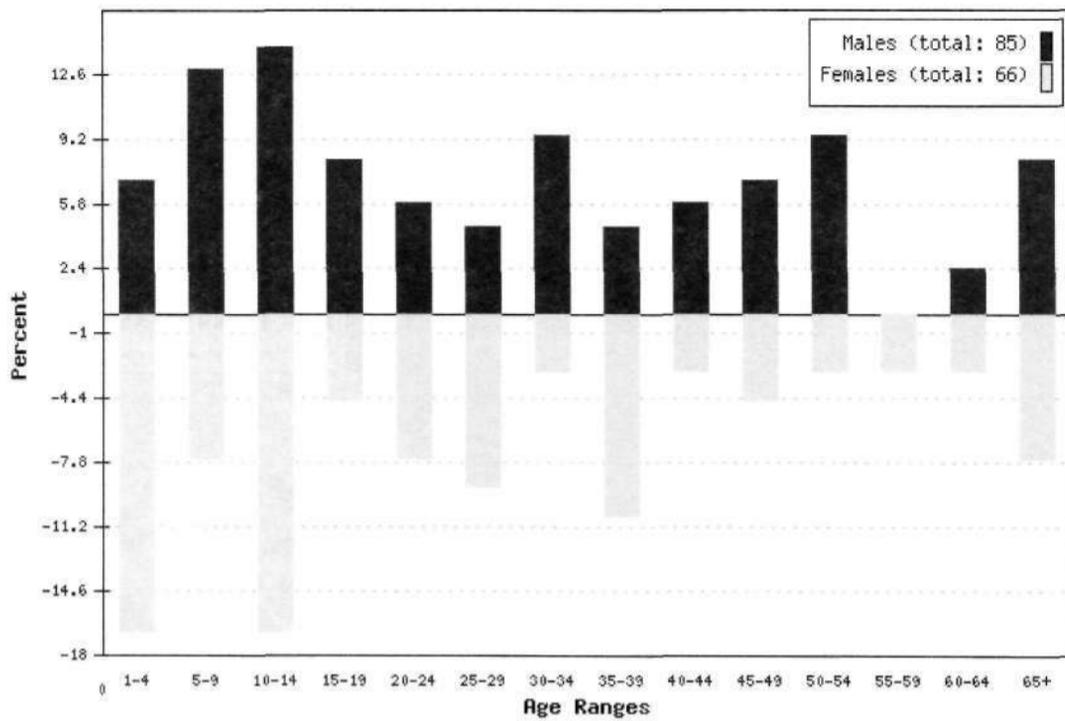

Рис.1. Обзорная карта севера Байкальской Сибири (Байкало-Патомское нагорье).

Таблица 2.
Половозрастной состав коренного населения долины реки Жуй согласно результатам переписи 1792-1797 гг.

надежно инкорпорирован в состав Российской Империи благодаря созданию Имперского почтового тракта в 1743 году (Соколов 2002; Майнов 1912; 136 и далее). Тракт состоял из серии постоянных зимовий, расположенных на расстоянии 15-20 километров друг от друга. На зимовьях содержались лошади, которых можно было нанять за деньги. Все это было направлено на то, чтобы обеспечить бесперебойное осуществление коммерции и коммуникации от Иркутска до Якутска. Центральный почтовый тракт вскоре породил целую «систему» вспомогательных маршрутов, покрывающих весь регион. Один историк охарактеризовал это как один из ключевых факторов колонизации (Сафронов 1978: 99-100, 121). Следом за экспедицией Кропоткина в 1866-1867 гг. южное ответвление этого тракта прошло по долине в верховьях реки Жуй, чтобы соединиться с городами Читой и Иркутском. Отдельные части этого тракта — ухабистые гравийные дороги — используются до сих пор. Центральная тайга стала «продуктовой корзиной» для новых разработок месторождений россыпного золота, вначале рядом с прииском Перси в верховьях реки Хо-

молко (1843г.). Эти, предшествовавшие «золотой лихорадке» в Калифорнии, разработки месторождений золота отличались массовым характером применения ручного труда для добычи этого драгоценного металла (Rosenburg 1996). Вследствие этого, они нуждались в массовых поставках мяса, муки и других продуктов питания, что в свою очередь требовало привлечения для транспортировки огромных караванов из сотен лошадей и оленей. Животным, опять же, требовались поставки кормов — в основном сена и овса, что в целом создавало уникальную экономическую возможность:

Прииски создали спрос на хлеб, на масло, на мясо, на сено, на овес и на рабочиеруки. Вместе с тем, взамен прежнего провоза казенной клади, тепер возникло новое дело — провоз присковы грузов с Витма и с Мачи, куда они доставлялись сплавным способом по Лене, зимним путем на Байайбо — главный центр приского мира (Майнов 1912:94-95).

И.И. Майнов (1912) описывает эту отрасль с указанием всех подробностей ее эксплуататорского характера, отмечая ее роль в формирова-

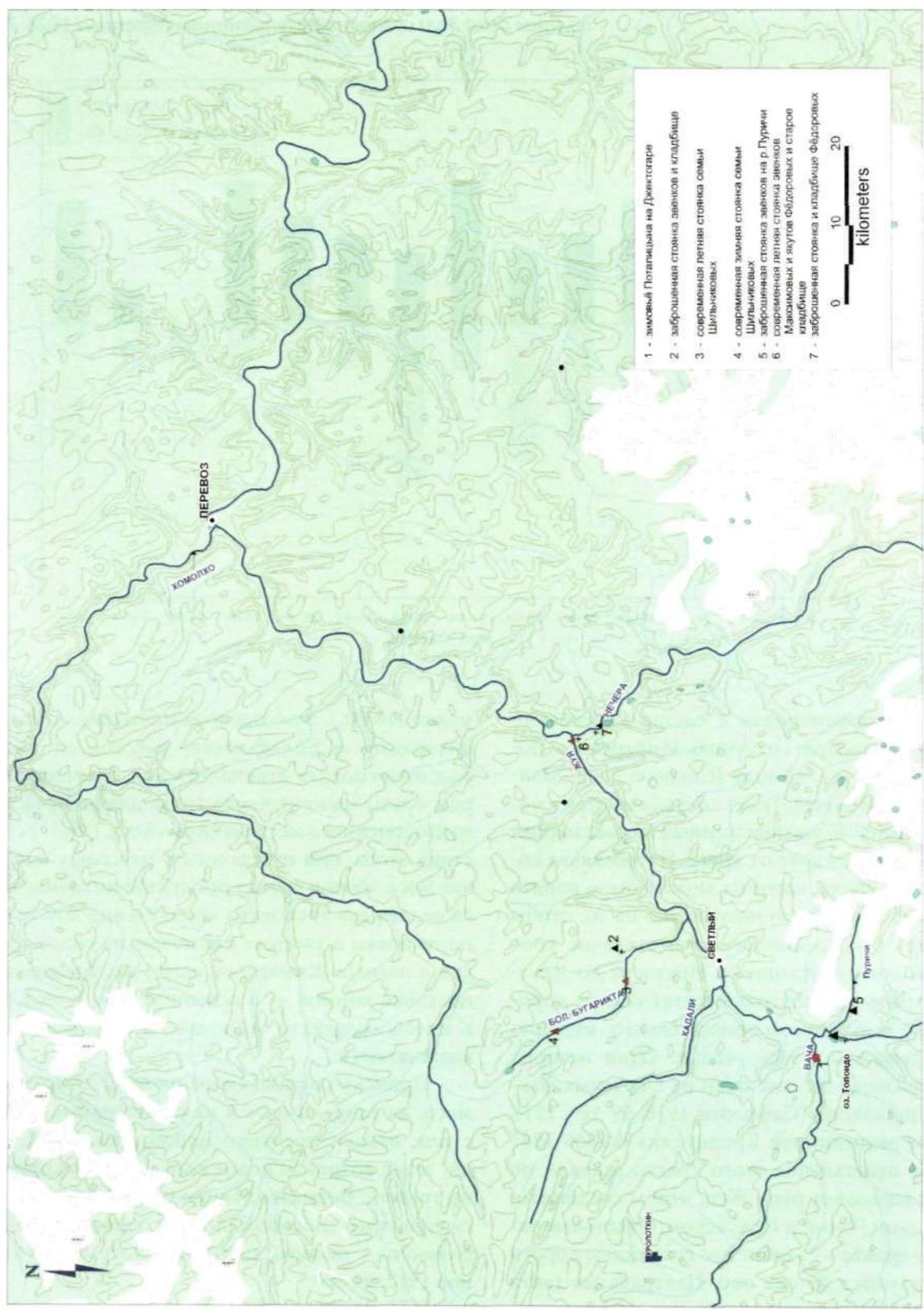

Рис. 2. Обзорная карта района работ экспедиции в бассейне реки Жуи.

нии «якутской буржуазии» (с. 99) и последующее снижение ее доходности, что в итоге привело к обнищанию перевозчиков, которые вкладывали все свое состояние в 3-5 лошадей, в надежде получить хоть какой-нибудь денежный доход (с. 136; 253). Несмотря на мелкие масштабы гужевых хозяйств перевозчиков, средний якутский подрядчик из Мачи перевозил до 6 тысяч пудов (с. 157), для чего ему требовался аргиш из 180 лошадей и 20 субподрядчиков (каждый правил 6 лошадьми) (с. 285). Один из пожилых местных жителей описывает эту картину в своих воспоминаниях как «тысячи и тысячи лошадей и оленей». Согласно Соколову, (2002: 81) в период с 1860 по 1894гг. более 85 тысяч лошадей было занято на обслуживании золотых рудников. В советское время, транспортное хозяйство было налажено через создание колхозов, в обязанность которых входило содержать лошадей и оленей для транспортных перевозок. Колхозы долины реки Жуй — «Красный Хомолко», «Верный путь», «Чарский охотник» — содержали стада от 50 до 370 оленей и от 6 до 30 лошадей, для доставки грузов в труднопроходимые нагорья долины². Параллельно колхозным хозяйствам, национализированная горная компания Лензолото владела, согласно документам, собственным стадом в 1278 голов оленей в 1934 году (БГА 26—1-4: 50). Данные устной истории позволяют предположить, что в 1930-е гг. была разработана «эстафетная» система доставки грузов, при которой транспортировка до низовой реки Жуй (территория, ограниченная притоками Хомолко и Нечерой) осуществлялась на лошадях, а затем, в верхние горные районы — на оленях. Мы продемонстрируем важность этого разделения на «низ» и «верх» в последующей дискуссии о пространственной демографии культурного ландшафта.

Стоит отметить роль христианства в дан-

ном регионе, несмотря на то, что его прямое влияние на население было небольшим. В своем до сих пор лучшем, на сегодняшний день, обобщающем труде об архивных православных церковных документах по данному региону, Майнов (1898: 50 и далее) указывает лишь данные, относящиеся к олекминским якутам и совсем не упоминает тунгусов реки Жуй. Несмотря на то, что в начале 20-го века на весь огромный Олекминский район приходилось всего 4 церкви (Майнов 1927: 377), регистратор А.Т. Самохин в своих дневниках неоднократно классифицирует и эвенков и якутов реки Жуй как христиан, исходя из их погребальных практик, имен, и, самое главное, из интеграции ими церковных праздников в свой годовой цикл³. Даже если христианство и не было активной верой, оно, несомненно, повлияло на использование ландшафта и, в особенности, на погребальные практики жителей долины. В местах долговременных стоянок в долине чаще всего присутствуют небольшие кладбища с надгробными памятниками, вырезанными либо из привозного ленского песчаника, либо представляющими собой деревянную структуру с крестом, установленным на православный манер.

Согласно имеющейся опубликованной литературе, местные жители центральной части долины реки Жуй проживали, торговали и обеспечивали других домашними животными на протяжении по крайней мере 350 лет. Ключевыми составляющими их экономики были торговля пушниной (соболь, белка) и мясом (дикий олень, домашний олень, лось) в обмен на товары, предоставление транспортных услуг, а также заготовка сена для животных, которые в течение столь долгого времени являлись важной жизненной компонентой данного региона. Последнее занятие представляет особой интерес в рамках данной статьи.

²Согласно архивным данным, в период между 1931 и 1939гг. колхоз «Красный Хомолко» имел в среднем 291 оленя и 34 лошади (БГА 26-1-4: 2, 46; БГА 26-1-5: 4, боб.; БГА 26-1-49: 27-30.). Колхоз 'Верный путь' в поселке Светлый имел в среднем 152 оленя и 6 лошадей (БГА 26-1-27: 2; БГА 26-1-45: 3; БГА 26-1-49: 12, 29). 'Чарский охотник' имел в среднем 63 оленя и 10 лошадей (БГА 26-1-33: 3; БГА 26-1-37: 3). Без сомнения, отдельные семьи держали свои частные стада. Такое соотношение оленей и лошадей сильно контрастирует с колхозом «Большой Патом», расположенным к северу от реки Лены и имевшим 20 оленей и 80 лошадей, что говорит о серьезных различиях в региональной экономике (БГА 26-1-7:2; БГА 26-1-7: 36,38; БГА 26-1-49: 18). По устной истории современных пастухов, в регионе Большого Патома якуты предпочитали работать как одиночками с оленями и не поступил в колхозе.

³В одном неопубликованном эссе Самохин отмечает особое почитание Петрова дня, *Покрова* и Пасхи среди эвенков данного региона (ГАИО 1468-1-2: 39). Учитывая доминирующую роль торговых отношений, примечательно то, что во время всех трех праздников проходят общественные торги.

Рис. 3. Стоянка эвенков в районе Ленских приисков в начале XX века (ИОКМ 11912-1)

Несмотря на длительную историю контактов и поселений, к лету 1927 года долина реки Жуй была местом, изолированным от центров цивилизации. Сибирский статистический отдел поздно отправил регистратора в эту долину. На тот момент, данный регион являлся экстерриториальным фрагментом Иркутского Округа, размещившимся на границах между Дальневосточной Территорией и Якутским Округом, в пределах обширной Сибирской Территории с центром в Новосибирске. Регистратор Приполярной переписи А.Т. Самохин провел июнь, июль и август 1927 года в переговорах о том, как организовать свой путь через нагорья вверх, за Бодайбо, в место, которое на тот момент считалось отдаленным внутренним районом долины реки Жуй. Его схематическая карта (ГАКК 769-1-310: 4) являет собой ироническую версию карты Кропоткина, составленной лишь 66 годами ранее. Карта довольно подробно и точно отображает места, расположенные наиболее близко к реке Витим, и в то же время содержит лишь самую смутную информацию о дорогах и реках по направлению к доли-

не реки Лены. Майнов (1912: 150) отмечает постепенный сдвиг в географии торговли от Лены к Витиму, с 1893 года и далее, по мере технического совершенствования, позволившего осуществлять речную навигацию вплоть до Бодайбо.

Переписные дневники А.Т. Самохина представляют собой богатый источник, но тем не менее, источник который трудно классифицируется. Они никогда не подвергались анализу, ввиду частых перемещений ранних советских институциональных структур и, как следствие перемещение архивов. Детальный набор документов Приполярной переписи — список хозяйств, похозяйственных карточек, поселенных бланков, санитарных карточек и схематических карт представлял собой единое целое, описывающее среднюю часть долины реки Витим, долину реки Жуй и частично долину реки Олекмы. Тем не менее, документы были поделены между соответствующими статистическими отделами и разосланы в Иркутск, Красноярск и Якутск, где они и находятся, разобщенные, по сегодняшний день⁴. Самохин опубликовал предвари-

⁴Похозяйственные карточки по Олекминской долине хранятся в НАРС 70-1-3355 и частично в 70-1-973. Похозяйственные карточки по Верхнему Витиму, Нижнему Витиму и долине реки Жуй хранятся в ГАКК 1845-1-78. Однако, соответствующие им поселенные бланки и списки хозяйств хранятся в ГАИО 1468-1-2, с подробными, заполненными от руки дополнительными примечаниями в графе 11. 39-44об. Четыре санитарные карточки хранятся в ГАКК 769-1-460: 60, 80, 81, 87. В ГАКК 769-1-310: 4 имеется подробная карта-схема Нижнего Витима и долины реки Жуй. Хотя данный материал был опубликован в региональном издании (СКСО 1928), он не отражен ни на карте региона, составленной Терелетским (1938), ни в опубликованных федеральных результатах.

тельное краткое изложение своей работы в 1929 году. Эта статья хорошо отражает тип информации, содержащейся в собранных им поселенных бланках, поскольку она повторяет организацию и классификацию самих бланков Приполярной переписи. Характерной чертой его опубликованных и неопубликованных материалов является повышенный интерес к документации пространства, что связано со стремлением найти ответ на имплицитный эволюционистский вопрос о том, существуют ли коренные эвенкотунгусы, или же они были ассимилированы. В статье очень четко изложены его наблюдения о том, что, тунгусские культурные традиции лучше всего сохранились всего в нескольких верстах от главного управления советскими рудниками в Бодайбо, в то время как они выражены особенно слабо в долине реки Жуй, которая расположена от рудников дальше всего. Он связывает это с «эволюцией» тунгусских культурных моделей в сторону более «высокой» культуры якутских скотоводов. Для иллюстрации этого предположения, он подробно документирует размеры и внутреннее состояние конических чумов покрытых покрывками из лосиных шкур, сопровождая описания графическими набросками, а также архитектуру бревенчатых срубов и построек.

Население и территория в 1927 году

Похозяйственные карточки, заполненные регистратором в долине реки Жуй в июне и июле 1927 года, говорят о наличии 40 смешанных тунгусских и якутских семей, с общим числом населения в 151 человек. Решение сибирского статистического комитета провести лишь частичную перепись в данном регионе, фокусируясь только на коренном населении, породило искаженную картину динамики населения. Неравномерная картина поло-возрастной структуры, представленная на графике 4, отражает дисбаланс мужчин и женщин почти в каждой категории, за исключением самых пожилых и самых молодых. Отношение мужчин к женщинам по

выборке Самохина составляет 128,4, что говорит о значительном недоучете. Заметная нехватка женщин старшего подросткового возраста и от 30 до 40 может говорить об внешних браках их с оседлым русским населением. Регистратор, который следовал по ранним советским транспортным коридорам, включил эвенков района реки Витим в ту же группу, что и население долины реки Жуй. Однако данные устной истории, а также архивные свидетельства говорят о том, что по своим родственным связям и локальной географии это население традиционно тяготело к расположенной севернее долины реки Лены, а также к Республике Якутия³. Самохин (1929: 6) сам упоминает о наличии, согласно слухам, как минимум 350 человек, проживающих в долинах рек Байкало-Патомского нагорья и не отраженных в переписи.

Статистика населения в данном регионе является очень политизированной темой. В то время как данные об образе жизни и экономике коренного населения долины Верхней Лены в целом очень отрывочные, учет налогооблагаемого мужского населения произведен на удивление подробно. Обратившись к опубликованным источникам, можно проследить демографическую историю жуинцев в самых общих чертах вглубь до 1640 года, вплоть до прибытия первых царских торговых людей из Мангазеи и Енисейска (иллюстр. 5). История населения долины Верхней Лены — это история золотых лихорадок. По словам выдающегося историка Сибири Сергея Бахрушина (1922:35), вскоре после ее открытия долина «Великой» Лены стала «мощным магнитом», центром иммиграции крестьян в поисках мягкого золота, начиная со второй половины 17-го века. Официальные представители российского государства были обязаны вести точный учет налогообложения коренного населения, которое платило регулярную дань пушной. Богатый архивный материал породил дискуссию, в том числе с участием некоторых великих российских и советских этнографов, о том, кто является коренным населением региона — *тунгусы* или *якуты* (Майнов 1898; Тока-

³Не многим лучше статистика по эвенкийскому и якутскому региональному населению, собранная Самохиным и Кузнецовым в долинах Витима, Олекмы и Жуй в 1926-27гг. (во время работы на дальневосточный статистический отдел). Составной отчет по переписи в двух районах указывает на общее число населения в 828 человек, с соотношением мужчин к женщинам, равным 114,5, что отражает дисбаланс по тем же категориям.

Рис. 4. Семья Шильниковых занимается отделением важенок от телят в летнем лагере на Нижней Бугарихте (2007), чтобы подготовить их к дойке (Фото Ребекки Зайкер).

рев 1957; Долгих 1960). Майнов (1927: 392) ссылается на первый акт сбора дани с тунгусов казак Демьяном Многогрешным в 1637 году и цитирует документы, говорящие о том, что якуты пришли на погост в Олекминск в 1675 году с севера. В некоторых документах часто говорится о том, что «бродячие» эвенко-тунгусы были оттеснены в отдаленные части бассейна реки, которые годились только для охоты, а более выгодные пастбищные луга были заняты оседлыми скотоводческими якутами (Майнов 1898: 28-29; Майнов 1927: 73; Долгих 1960:482,490; Самохин 1929: 6). Действительно, сохранились интересные письменные жалобы тунгусов на то, что якутские скотоводы заняли их земли, не соблюдая уважение к тому, что Майнов (1898: 31; 1912: 243) описывает как аборигенную систему землепользования, которая подразумевала ежегодные выплаты ренты за пользование пастбищами в течение длительного времени. Иохельсон (1896: 130-131) дает, пожалуй, самое красочное описание этого процесса:

После кровавых схваток с якутами ... тунгусы отступали на окраины в горные леса богатый зверей или на безлесные вершины хребтов на тундра, покрытые мохом и изобилующие ди-

чью. В этих местах ... их оставили в покое.

Читая эти описания сегодня, удивляешься тому, насколько мало приводится свидетельств для иллюстрации очевидного факта вытеснения кочевых эвенков с их земель и заселения их более оседлыми якутами, которые нашли все эти земли пригодными для выпаса лошадей.

Мы продемонстрируем в данной работе, что между оседлым скотоводством и удаленными охотничьими угодьями нельзя провести четкую границу. Как будет ясно из дальнейшего, относительно удаленные таежные территории, в данном случае в районе верхней Жуй, были обращены в новые сенокосные луга, пригодные как для оленей, так и для лошадей. Стратегически эти новые горные луга располагались ближе к местам, богатым и рыбой, и пушниной, и мясом, а также вблизи от горняцкого населения золотых приисков. Складывается впечатление, что у местных жителей было больше вариантов выбора, нежели только между «культурным» скотоводством и «дикой» охотой на пушного зверя.

В отношении списка численности населения, приведенного в таблице 5, примечательно постоянство общего числа населения в долине на про-

тяжении нескольких веков⁶. Согласно большинству оценок, население варьирует от 300 до 400 человек (некоторые завышенные оценки приводят цифру в 900 человек, но для более обширной территории). Несмотря на то, что статистические данные на микро-уровне имеются только по переписи 1926-1927гг., общие половозрастные пропорции и общая численность населения, скорее всего, были стабильны, что в свою очередь указывает на стабильную экономическую систему.

Самохин, исследуя регион в 1927 году, приложил больше усилий в то, чтобы территориально сфокусировать население, кочевавшее по долине. Будучи более консервативным по сравнению с другими регистраторами, он определил только два очага проживания населения: озеро Толондо в верховьях Жуй (ГАИО 1468-1-2: 21-36) и устье реки Хомолко в районе Нижней Жуй (ГАИО 1468-1-2: 47-58). Эта стратегия установления довольно тесных орбит обитания населения привела к ряду интересных аномалий в его работе. Интересно то, что он вычеркнул статус «кочевой» во многих карточках и поверх него вписал «полукочевой» по 14 домохозяйствам. Записи в поселенческом бланке утверждают, что движения населения «регулярны» или «правильны» для масштаба озеро Толондо. В то же время, движения населения на реке Хомолко описываются как совершаемые «...в пределах определенного региона, но в пределах данного региона они путешествуют хаотично...» (Самохин 1929: 10). Использование слова «хаотичный» в каких-либо исследованиях кочевых народов часто является хорошим указанием на то, что внешний наблюдатель не полностью понимает комплексную систему скотоводства. Анализ местных топонимов, которые Самохин приводит для каждой семьи на первой странице похозяйственных карточек, демонстрирует 18 уникальных топонимов. Из них два — названия населенных пунктов (прииск Светлый; Устье-Хомолко). Пятнадцать относятся к мелким притокам реки Жуй. Одно название озера — Толондо.

Места вдоль пятнадцати рек имеют такие идентификаторы, как «устье», «среднее течение» и «верховье». Несомненно, в те времена местные жители ассоциировали эти относительные идентификаторы с конкретными местами, которые были пригодны для охоты, пастбы или представляли собой высоко расположенную сухую морену, на которой хорошо устанавливается чум» [аян на эвенкийском], как они это делают сегодня.

В литературе по данному региону много сказано о том, что «река» является очень старой и устоявшейся единицей территориальной маркировки. Майнов (1912: 243) отмечает, что слово «река» в местном диалекте соответствует местности, в пределах которой человек охотится или ловит рыбу (т.е., означает «территорию» или «ареал»),

... внутри рода общая родовая территория служила для всех родовичей общим выгоном в летнее время, но сенокосные урочища, по которым отдельные семьи заготавливали для своих стад зимние запасы сена, обычно находились в постоянном пользовании именно этих семей, и древнейшей земельной мерой у якутов, по видимому, служило урочище, как у бродячих тунгусов и до сих пор такой мерой является «речка». Наследственное пользование одними и теми же урочищами в отдаленном прошлом привело к тому, что обладание ими становилось весьма похожим на *dominium*; урочища сдавались владельцами в аренду, уступалась в приданое, даже продавались русским.

В другой своей работе, Майнов (1898: 31-32) описывает хорошо институционализированную систему пользования и сдачи в аренду «рек». Так, например, одна тунгусская семья сдала в аренду за деньги систему из двенадцати рек, оставив себе 100 рек для собственного пользования. В репертуаре городского фольклора, связанного с добычей золота в регионе, есть история о том, как старик-тунгус Афанасий Якомин «продал» богатые верховья Хомолхо русским золотодобыт-

⁶Имперские ясачные списки содержат только мужские «души». Историки-демографы используют различные коэффициенты для оценки общего числа населения, исходя из количества мужчин, уплачивающих налог. Патканов (1906: 96), базируясь на анализе данных переписи 1898г., рекомендует использовать коэффициент 4.3. Майнов (1927:394), основываясь на обширном анализе архивных материалов по Олекме и Иркутску (многие из которых на данный момент уничтожены), рекомендует коэффициент 6. Долгих (1960:14), исходя из анализа сводных данных Приполярной переписи 1926г., использует коэффициент 4 для Сибири и 5 для тунгусских коневодов Забайкалья. Наш анализ данных Приполярной переписи, осуществленный на микро-уровне отдельных домохозяйств, предполагает цифру 3.8. Коэффициент 4 использовался при построении таблицы 5.

Таблица 3.

Сводные данные о населении Жуинского административного клана, Олекминский район

Население	Год	Муж.	Жен.	Всего	Приблизительно всего*	Источник
1652	92			[368]	Долгих (1960: 483) «Зимовья на Чаре и Патоме»	
1665	116			[464]	Долгих (1960: 483) «Зимовья на Чаре и Патоме»	
1672	120			[480]	Долгих (1960: 483) «Зимовья на Чаре и Патоме»	
1681	157			[628]	Долгих (1960: 483) «Зимовья на Чаре и Патоме»	
1691	129			[516]	Долгих (1960: 483) «Зимовья на Чаре и Патоме»	
1700	72			[288]	Долгих (1960: 483) «Зимовья на Чаре и Патоме»	
1712	94			[376]	Долгих (1960: 483) «Зимовья на Чаре и Патоме»	
1767	64			[256]	«Дело о постройке почтовых домов», Майнов (1898: 11)	
1782	98			[392]	«Дело о постройке почтовых домов», Майнов (1898: 11)	
1796	123			[492]	Майнов (1898: 20)	
1798	123			[492]	«Дело о постройке почтовых домов», Майнов (1898: 11)	
1824	166			[664]	«Вторая ясачная комиссия», Майнов (1898: 12)	
1835	210			[840]	«Вторая ясачная комиссия», Майнов (1898: 14)	
1858	178	161		339	«Десятая ревизия», Майнов (1898: 36)	
1859	497		895	895	Патканов (1903: 96)	
1895	174	138		312	«Десятая ревизия», Майнов (1898: 36)	
1897	244		476	476	Патканов (1903: 95-96) [включает бассейн Витима]	
1927	97	75	172	[522]"	Самохин (1928:6) [включает бассейн Витима]	
1927	86	67	153	[503]"	Самохин (ГАКК 1845-1-78) [ограничено бассейном Жуй]	

* Суммарное ясачное население в квадратных скобках рассчитано с коэффициентом 4.

** Самохин (1928: 6) утверждает, что, исходя из сопоставления с данными местного правительства, около 350 тунгусов остались неучтенными при проведении им переписи.

чикам «всего» за 40 рублей серебром (Гулевский 2007). Каков бы ни был статус этой сделки в середине XIX века, однако на момент 1927 года двое потомков рода Якоминых продолжали использовать, по крайней мере, часть верховий Хомолко для осенней охоты.

Примечательно, что дореволюционный географ Сергей Патканов (1906: 95-96), подытоживая результаты переписи 1897 года по жуинским тунгусам Олекмского округа, также описывает их как группу, состоящую из 467 человек, пользующихся восемью реками и обитающих на прилежащем к ним ареале.

К сожалению, похозяйственные карточки не достаточно подробны для того, чтобы реконструировать годовой цикл во всех его деталях, однако зафиксированные отдельные примеры перемещений, представляют особый интерес. Активно кочующая семья Гаврилы Захарова (ГАКК 1845-

1-78:091-092) выдвигалась от самого устья реки Жуй зимой и доходила до ее верховий за пределами озера Толондо весной (на расстояние превышающее 150 км). На протяжении такого путешествия требовалось и пасти стадо, и ловить рыбу. Восемь других домохозяйств кочевали вокруг рудников прииска Светлый, оседая в прииске золотодобытчиков в сентябре и возобновляя кочевание вверх и вниз по долине Жуй с октября по январь и затем с мая по август.

Примеры, подобные этим, бросают тень сомнения на предположение о том, что население этих мест тяготело к двум главным очагам проживания (либо что эти два очага постепенно становились доминирующими). Очевидно, что внимание регистратора привлекло наличие нескольких срубных деревянных построек на озере Толондо и реке Хомолхо. Однако, внимательное изучение поселенческих бланков говорит скорее о

том, что «деревню», построенную на озере Толондо, нельзя воспринимать отдельно от сенокосных лугов и охотничьих угодий в долинах рек Вачи и Жуй. Подобным образом описываются небольшие поселения на Нечере, Ченге и Болочжике в поселенческом бланке по району Хомолхо⁷.

Язык описаний Самохина, а также многих других государственных регистраторов того периода, выдает их склонность классифицировать хозяйства данного региона либо как кочевые, либо как оседлые. Его приписки о полукочевом образе жизни, а также списки топонимов, контрастирующие с преобладающим жестким описанием оседлых очагов расселения, говорят о наличии хозяйств, оперирующих в более широком масштабе, охватывая порой долину целой реки. Слово, которое Самохин использует для обозначения места — стойбище [буквально место стоянки] — характеризует эти населенные пункты, как исключения из «кочевого» правила. Однако есть основание предположить, что регулярно посещаемые зимние и летние стоянки были на самом деле ключевым звеном хозяйственной стратегии, в то время как «кочующий нomaдизм» был исключением.

Самохин (1929: 11-12) предпочитает анализировать якутские домохозяйства отдельно от тунгусских, следуя давней традиции этнографического сепаратизма. Среди данных Приполярной переписи примечателен факт наличия лишь одной русской женщины, вошедшей в состав тунгусского домохозяйства в результате брака с тунгусом. Шесть браков были чисто якутскими, восемнадцать — чисто тунгусскими, и пять были смешанными якутско-тунгусскими браками. Данные устной истории, собранные нами в 2006-2007 гг., свидетельствуют о наличии того, что в других странах света было бы описано как смешанное оседлое население. Как уже указывалось выше, подобные смешанные браки, как правило, записывались как русские (и действительно, люди сегодня идентифицируют себя именно так). Эта проблема индивидуальной идентичности ведет к более широкой проблеме идентичности на уровне домохозяйств. Десять человек записаны в карточках в качестве единоличных домохозяев,

однако сведения о карточках, приводимые в поселенческих бланках, указывают на их связи по происхождению или на основе взаимопомощи, с одной из других семей. В этом, как и во многих других случаях по всей Сибири, строгое определение домохозяйства в формате переписи не позволило передать работу принципа расширенной семьи в данном регионе. Население в 151 человек проживает в 19 зимовьях и шести переносных комплексах, представляющих собой конические чумы покрытые покрывками из лосиных шкур и коры берёзы. К жилищному комплексу относятся также луга, хранилища и рыбные места. Для данной статьи имеет значение то, что у большинства жилищ (17), будь это зимовье или комплекс чумов, имелся приписанный к нему покос, размером в среднем в две десятины (около 3 гектар). В карточках отсутствует информация по домохозяйствам, главой которых являются русские, и которые могли состоять в кровном родстве с «коренными» домохозяйствами. Проведенное Д. Зайкером исследование по устной истории, показывает, что эти «русские» домохозяева тоже были вовлечены в систему зимовий, пастбищ и домашнего оленеводства и говорили на языке, который являлся смесью русского, якутского и эвенкийского.

Скотоводство, жилища и дороги как единая система

Если мы расформируем два поселенных бланка и с целью анализа и соединим вместе с индивидуальными похозяйственными карточками, собранными Самохиным в 1926-27 гг., это даст нам возможность выработать такую интерпретацию отношения человека к пространству, которая включала бы элементы традиционного скотоводческого хозяйства, существующие до сих пор и оставившие долговременный археологический след. Вместо того, чтобы фокусироваться на домохозяйствах и оседлых поселениях, мы сосредоточимся на так называемых стойбищах, что создаст совершенно иные рамки для организации имеющихся данных.

На всех местных картах данного региона, по-

⁷В непосредственной близости от Усть-Хомолко (ГАИО 1468-1-2: 48об.) поименовано семь «рек» с хорошими местами лова. В бассейне Жуй и Лены (ГАИО 1468-1-2: 49об.), в пределах гораздо более широкого радиуса, поименовано тринадцать мест, связанных с пушным промыслом.

мимо рек, указаны также определенные полуседлые места, которые были отмечены всеми наблюдателями. Князь Кропоткин, в 1866 году, использовал слова своих эвенкийских проводников для обозначения 27 зимовий и хранилищ на Нижней Жуче и в районе соседней р. Молбо. Даже Самохин обозначил несколько скоплений срубов на реках Ваче и Нечере на своей схематической карте.

По словам русского старожила, Юрия Константиновича Поталицына, зимовье представляло из себя больше, чем просто деревянная постройка:

«... мой дядя имел зимовье на реке Желтогар (Джектогар приток реки Вача в районе оз. Толондо). Он владел широким лугом и просторным домом. До 100 человек могли разместиться в нем на ночь, а также проживать там. Луг был создан руками человека. В прежние времена все создавалось руками. Они могли обеспечить кормом до 1000 лошадей [в течение одного сезона?]. Теперь там все заросло. Много лет прошло. ... Раньше не было ни поездов, ни дорог, ничего здесь не было. ... Раньше все доставлялось транспортом — на лошадях, оленях; а также на карбазах — больших лодках, которые спускались вниз к устью [Жуй]. ... Люди из Чары [доставляли груз] в колхозы. ... Они занимались сельским хозяйством и охотились, у них были большие стада коров и они делали масло и т.д. ... Жители нижнего Вилюя привозили мясо, свиной жир и другие продукты — да всякое. ... Мука и сахар привозились с Лены. Все эти продукты доставлялись на транспорт[ных караванах]. ... 1500-2000 лошадей были задействованы в работе транспорта. Затем, четыре дня спустя, следовал другой караван из 1500-2000 оленей. Они шли так, чтобы одна и та же дорога не использовалась ими одновременно. [Транспортом] требовалось место для ночлега. Они путешествовали с интервалом в два-три дня. Один транспорт приходил, останавливался на ночлег. Отдыхал. Три дня спустя подходила вторая группа, так же останавливалась на ночь и отдых, а затем прибывала третья группа.»

Центром зимовья было деревянная срубная постройка, но оно также включало луг, вырубленный в массиве леса и поддерживаемый благодаря постоянному использованию. Учитывая нехватку корма, упоминаемую в исторической литературе по данному региону, такие культивиро-

ванные места, несомненно, представляли большую ценность. Майнов (1912: 273) описывает, как в XIX веке местные перевозчики, работавшие по снабжению золотодобывающих рудников, полагались на ряд местных жителей, базировавшихся в таких зимовьях, для предоставления их караванам корма и отдыха:

«В Олекминском округе крестьяне зажиточные строят маленькие в удобных местах (если таковые у них имеются) *зимовья* и водворяют там какого-нибудь поселенца-дворника; на прилегающем к зимовью участке за зиму скапливается обильный запас назёма, который служит для образования утугов. Крестьяне Якутского округа чаще принимают возчиков у себя по дворам замороженным молоком, маслом хаяком и т. п. (*сноска в оригинале*: хаяк — замороженное слабо взбитое масло).»

Обзор сельскохозяйственных стратегий в до-революционном Якутском Крае неизвестного автора также делает акцент на комплексной взаимосвязи скотоводства, архитектуры и производства сена в Олекминском регионе:

«Начали якуты сеять на отех'ах (усадебной земли при старых юртах, где долго находился загон для лошадей и рогатого скота) ... в глухих местах и теперь можно встречать такой хозяйство. На берегах убывающих озер где имеет тонкий слой ила Якуты сеют до 7 пуд под рожь, но так урожай очень невелик (Иохельсон 1896: 67).»

Ни один литературный исторический источник не подтверждает факт наличия «тысяч» лошадей и оленей в отдельно взятом караване, как это утверждает информатор Ю.К.Поталицын. Независимо от масштабов, сам факт тесной взаимосвязи жилищного комплекса с перевозкой грузов на оленях и лошадях в этом регионе, является важным моментом для интерпретации местного ландшафта.

Данные, собранные Самохиным в ходе переписи 1926-27 гг., указывают на существование лишь 14 зимовий как таковых, но, как было сказано выше, 17 лугов были приписаны к различным избушкам и зимним и летним чумам, сделанным из шкур или коры. К сожалению, не всегда возможно реконструировать по карточкам точное местонахождение этих жилищно-луговых систем. Тем не менее, наша археологическая группа исследовала три таких заброшенных поляны в 2006 и 2007гг. (Инешин и др. 2008). Как и предска-

зывает старожил Ю.К. Поталицын, признаки колонизации можно было видеть по краям участка, вдоль которых росли карликовые березы (*Betula nanae*). Даже 30-40 лет спустя после прекращения использования, луга все еще были различимы и четко выделялись на фоне окружающего пейзажа, состоящего в основном из густых мохово-бусничных листовничников. Согласно оценкам ботаника Оксаны Петровны Виньковской, элементы лугового сообщества, созданные в результате вытаптывания и удобрения земли домашними животными, могут продолжать существовать в этом регионе до 300 лет⁸. Нами были заложены три шурфа на месте жилищно-луговой системы на озере Толондо, которая часто упоминается в документах, и два шурфа в устье реки Нечеры. Оба места расположены в пределах Верхней Жуй. Подробные результаты этих работ будут изложены в других статьях. Здесь же мы отметим только, что анализ ископаемой пыльцы с обеих стоянок свидетельствует о продолжительном — по меньшей мере в 850 лет, человеческом воздействии на ландшафт, а также о наличии полуседлой формы доместикации. Такие временные рамки соответствуют приходу казаков на устье реки Жуй, а также объясняют возможную первичную реорганизацию местного хозяйства, направленную на обеспечение пришельцев пушниной.

Нами произведён глубокий анализ стоянки на озере Толондо, которая изначально и привлекла наше внимание к данному региону. Согласно похозяйственным карточкам Приполярной переписи, на этой стоянке в 1927 году находились, по крайней мере, две избы и один летний берестяной чум, а также система из 6 вспомогательных охотничьих домиков в непосредственной близости. В карточках также говорится о наличии 10 гектаров сенокосных лугов вокруг жилищных построек. Осмотр территории стоянки выявил несколько глубоко проторенных дорог по направлению к озеру (не поврежденных механическим транспортом), которые могли быть фрагментами наземных транспортных коридо-

ров. Вдоль берегов озера и реки, а также в отдалении от них мы обнаружили систему ям, которые, возможно, использовались для хранения рыбы. Напротив полуострова, на котором когда-то стояли избы, мы нашли «иногородское» кладбище, состоявшее из одной отмеченной могилы и двух каменных куч, которые могли представлять более древний тип захоронений. Несмотря на то, что этот регион подвергся сильной трансформации в результате лесозаготовительных работ в 1930е гг., а также в ходе пожаров в 1960е и 1970е гг., мы нашли свидетельства рубки деревьев в процессе заготовки леса. Например, пни, обработанные топором и с вырубленными на них лесными маркировками дореволюционного периода (иллюстрация б). Данные устной истории, собранные среди пожилых людей в Светлом, говорят о регулярной обработке лугов и даже о посеве травы на озере Толондо в советское время. Старая изба использовалась в качестве охотничьего поста вплоть до начала 1990х гг., пока не сгорела в результате пожара.

Наши археологические находки говорят о гораздо более длительном пребывании человека на этом месте. Стратификация шурфов обнаруживает десятисантиметровый слой, что может указывать на продолжительность обитания приблизительно в 850 лет⁹. Наличие ископаемой пыльцы от карликовой березы (*Betula Nanae*), мари *Chenopodiaceae*, одуванчика *Taraxacum*, дикого ревеня *Rumex* и дикого шалфея *Artemisia* в верхнем пятисантиметровом слое в разных шурфах указывает на более интенсивную историю обитания, что, в свою очередь, может косвенно указывать на наличие загонов и даже сезонного огородничества, что соответствовало времени прихода русских сборщиков дани.

Установить прямую связь между населением Толондо и торговой сетью непросто. В 1926-27гг. три из восьми семей с этой стоянки доставляли бревна на оленях и других животных на золотые рудники в Светлом, который в то время находился в упадке. В документах эти семьи описываются

⁸Согласно Оксане Винковской, «луговое растительное сообщество» в долине реки Жуй характеризуется наличием растительных семейств Fabaceae, Poaceae, Ranunculaceae, Saryophyllaceae, Rosaceae и Polygonaceae. Эти растения выделяются на фоне многочисленной листовничницы, но с течением времени вытесняются различными кустарниками.

⁹Диаграммы анализа пыльцы, основанные на данных двух шурфов с озера Толондо, показывают рост распространения Fabaceae и Poaceae и снижение распространения Superaceae в данный отрезок времени, что, по словам нашего ботаника, говорит о том, что в то время в лесу проводились вырубки.

как безработные. Толондо обозначено и на карте Кропоткина, и на карте Самохина, но и там, и там оно изображено несколько в стороне от главных наземных транспортных коридоров, которые пролегли от реки Жуй вверх к долине реки Вачи и продолжались около 30км вниз по течению. Патканов (1906: 95) назвал пять человек, проживавших на «жуйском полуострове» в 1897 году. Наличие четко обозначенного кладбища с несколькими памятниками говорит о большом значении этого места в конце 19го века (одна из могил принадлежит 29летнему члену клана жуйских тунгусов и датируется 1910 годом). Маловероятно, что стоянка служила местом постоя для «тысяч» оленей и лошадей, но учитывая наличие богатого рыбой озера и близкое расположение мест охоты на лося и дикого оленя, вполне возможно, что она длительное время являлась источником регулярных поставок мяса, фуража и рыбы для жителей данного региона.

Представление о системе «рек» с наличием ряда фиксированных мест проживания и культивированных лугов может быть дополнено данными по домашним животным, собранными в 1926-27гг. По сравнению с историей регистрации численности населения, о которой говорилось выше, дневники, которые Самохин вел во время переписи, являются одним из очень немногих существующих источников по типу хозяйствования в данном регионе (см., н-р, Гибельман 1925). Большинство из 40 домохозяйств содержали небольшое количество домашних животных. Согласно данным переписи, только 6 домохозяйств не имели никаких животных; из них лишь одно представляло из себя большую многопоколенную семью. Это означает, что за хозяйством одиноких пожилых людей, а также молодых семей без животных следили другие семьи. Эти стада были обычно небольшими и в своем большинстве состояли из 4-6 оленей и лошадей вместе взятых. Только семь домохозяйств содержали более шести оленей и более четырех лошадей. Майнов (1912: 154) считал это количество минимально необходимым для того, чтобы заниматься извозом. Общее количество животных в долине составляло 121 олень (из которых 82 использовались для транспортировки), 49 лошадей и 86 коров. Средний размер стада, согласно переписи, составлял 8 оленей, 2 лошади и 7 коров. Примечательно, что ни одна якутская семья не держала оленей. Майнов

отмечает, что только 20% всех якутских домохозяйств в Олекминском уезде имеют более 5 лошадей (1912: 154). И в самом деле, как уже говорилось выше, эти малоразмерные стада существовали на протяжении всего советского периода, и широко распространены даже сегодня, как будет указано ниже.

Несмотря на то, что мы располагаем ограниченным количеством статистических данных по этой группе населения, мы все же можем выявить наличие разных стратегий хозяйствования среди якутских и тунгусских домохозяйств. Тунгусские домохозяйства, как правило, выпасали только оленей, или комбинировали выпас лошадей и оленей. В литературе говорится о том, что немногочисленные якутские домохозяйства чаще всего содержали лошадей и коров (Серошевский 1993: 156 и далее; Майнов 1912). Для данной статьи выбор стратегии хозяйствования важен в том плане, что если семья содержит лошадь или корову, то она также нуждается в доступе к лугам, чтобы заготавливать фураж на зиму. Примечательно, что семь тунгусских домохозяйств, по-видимому, заимствовали якутскую модель, так как содержали сенокосные пастбища. Поселенческий бланк по Усть-Хомолко содержит запись о том, что сено давали и оленям (ГАИО 1468-1-2: 46об). Осуществлялась дойка самок оленей (даже если их было совсем немного). Почти все домохозяйства (35) имели по крайней мере одну охотничью собаку, а три содержали более двух собак.

Важным фактом является то, что регистратор, заполнявший поселенческие бланки по региону, решительно говорит о том, что тунгусы, как правило, не нанимаются в качестве перевозчиков (несмотря на свидетельства об обратном в похозяйственных карточках, заполненных тем же регистратором) (ГАИО 1468-1-2: 051об.). По его словам, русские крестьяне из Мачи гораздо сильнее занимаются подрядом, доставляя товары на рудники. Он также отмечает широкое распространение доставки дров на оленях к местам золотых приисков, но что к 1927 году этот источник дохода пришел в упадок в связи с упадком работ по добыче золота в Светлом (ГАИО 1468-1-2: 22; 051об.-52об.). Иохельсон (1896: 133), описывая тот же регион одним поколением раньше, ассоциирует олекминских тунгусов лишь с доставкой леса на рудники.

Согласно поселенным бланкам по Толондо

и Хомолко, жители пасли оленей вместе. Летом стада сгонялись в одно место, чтобы обеспечить им коллективную защиту от насекомых. Для этого нанималась небольшая группа человек, которые поддерживали костры, производящие густой дым, отпугивающий насекомых. Костры устраивались под навесом, который защищал оленей от солнца. Пастухи либо сооружали навес сами, либо использовали естественные укрытия, образованные нависающими ветвями больших лиственниц. Эта типичная стратегия таежного лесного оленеводства играет важную роль в создании лугов, описанных выше. Йошико Абе (Abe 2005) дала современное описание этого процесса, сопровождаемое фотографиями, в своей докторской диссертации, посвященной лагерю эвенкийских охотников и пастухов возле озера Ничатка в бассейне реки Чары. Внимательное знакомство с данными похозяйственных карточек по занятости населения позволяет выявить, что домохозяйства, владевшие большим количеством животных, занимались извозом в октябре-ноябре или марте-июне. Среди 16 домохозяйств, по которым имеются сведения о доходе, некоторые имели доход до 1000 рублей в год, но в целом средний доход составлял 370 рублей (что все равно было крупной суммой, равнявшейся доходу от пушного промысла). Самый крупный оленевод в регионе имел 18 оленей; его семья состояла из 9 человек и большого количества маленьких детей. Он отличается от других тем, что занимается охотой на белку (700 шкурок), а также лося, изюбря и других копытных (18 голов), при этом вылавливая лишь 24 пуда рыбы. Для сравнения, более маленькая семья с 5 оленями на озере Толондо вылавливала 55 пудов рыбы и добывала большое количество водоплавающей дичи. В поселенных бланках регистратор называет охоту на белку, медведя и лису самым выгодным источником дохода. Беличьи шкурки служили денежным эквивалентом. Так, 10 шкурок равнялись 1 пуду ржаной муки (одна шкурка равнялась 15 рублям, и, таким образом, при расплате за муку в магазине шкурками платилась двойная цена). Ржаной мукой иногда кормили оленей, расходуя до 4 пудов в год (ГАИО 1468-1-2: 47об.). На руднике в Светлом существовал рыбный рынок, на котором особенно ценились таймень (15 рублей за пуд) и арктический голец (ГАИО 1468-1-2: 49). Коммерческая продажа мяса диких животных и рыбы существует и на се-

годняшний день, в постсоветский период.

Территория и население в 2007 году

Восемьдесят лет спустя после экспедиции в регион Бодайбо в рамках Приполярной переписи, эвенки и якуты по-прежнему живут здесь вместе с русскими, занимаясь охотой и торговлей в малых масштабах, с помощью небольших стад домашних оленей. Количество семей, содержащих оленей, значительно сократилось. Транспортировка все чаще осуществляется с помощью дизельных вездеходов, принадлежащих горнодобывающим компаниям, а летом также на моторных лодках, которыми владеют местные жители. Летом 2007 года две оленеводческие семьи кочевали возле прииска Светлый, и одна семья кочевала в районе устья Нечеры на реке Жуе (Иллюстрация 1). Очаг оленеводческой культуры района передвинулся к северу от Перевоза где 24 семей до всех пор живут с оленями по речкам Молбо, Малый Патом и Горбылях.

На сегодняшний день, мало что сохранилось от 150-летнего альянса между оленеводством и золотодобычей в высокогорных районах реки Жуй. Два брата, которые живут в Светлом и держат оленей, ранее работали в геологических экспедициях вплоть до 1997 года. Саша и Веня Шильниковы работали с мая по октябрь на транспортировке взрывчатки в горные районы. На обратном пути они доставляли образцы пород в базовый лагерь (до 50 кг). Оплата производилась из расчета 5 рублей на оленя в день. Братья рассказали, что они использовали оленей, чтобы добраться до мест, куда лошадь пройти не могла. Судя по всему, даже на момент конца 20-го века олень по-прежнему остается экономически более выгодным животным, поскольку может прокормить себя на месте и не нуждается в обеспечении кормом (в отличие от лошади). Во время наших работ в 2007 году одна из семей высказала мнение, что тот факт, что олени в целом полезны в экстремальных условиях, является одним из доводов в пользу их содержания. В условиях высокой безработицы и отсутствия регулярного поступления наличных денег, тот факт, что олени обеспечивают бесплатную транспортировку к местам охоты, является, несомненно, второй важной причиной.

Использование оленей на разных работах в

современных условиях горнодобывающей промышленности продолжает старую традицию использования упряжных оленей для преодоления разрыва между долинами Нижней и Верхней Жуй. Старики в деревне Перевоз вспоминают, как в 1950-х годах они работали в качестве перевозчиков: они принимали груз, доставлявшийся к устью притока Нечеры на лошадях, и затем везли его на оленьем обозе через бассейн реки Вачи к самому сердцу горных разработок.

На сегодняшний день смешанное эвенкийское, русское и якутское население прииска Светлый связано с золотодобывающими рудниками в Кропоткине в основном через поставки продукции сельского хозяйства, как это имело место и в прошлом. В районе Светлого — очень богатая почва и большие запасы воды, что делает его ближайшим источником свежих овощей. В поселке проживает до 60 постоянных жителей в течение года; летом количество населения может удваиваться, так как жители Кропоткина приезжают сюда для обработки своих земельных участков. Этнографически очень трудно разграничить эту рыночно-огородную деятельность. Та же ситуация и вокруг смешанного разведения оленей и лошадей в этом регионе. Некоторые считают, что эвенки и якуты в равной степени занимаются выращиванием картофеля. В то же время, можно обнаружить, что термин «якут» применяется к эвенкийским и русским пожилым людям, которые в свое время были очень хорошими оленеводами. В долине реки Жуй сложилось очень своеобразное и диверсифицированное хозяйство натурального типа, основанное на овощеводстве, ориентированном на продажу, мелкомасштабном скотоводстве и продаже мяса диких животных, рыбы, ягод и соболиных шкур.

В 2007 году наша группа провела практическое исследование одной оленеводческой семьи в прииске Светлый, включая посещение их мест выпаса оленей в верховьях небольшого притока Жуй недалеко от поселка. Семья Шильниковых включает Сашу, его жену Лену и их сына Сашу. Их старшая дочь обучается в г.Бодайбо и планирует поступать в колледж в Иркутске. В 2007 году семья содержала 30-40 оленей и 11 телят. К моменту нашего визита 5 телят задрали медведи. Занятия семьи включали оленеводство, дойку оленей, охоту на мелкую дичь (особенно на глухаря), добычу пушнины с помощью ловушек, сбор

трав и орехов, рыболовство и охоту на крупную дичь. Как и все остальные, семья также держала участок земли в Светлом для выращивания картошки. У Шильниковых также было семь коз, привезенных из Иркутска, за которыми ухаживала мать Лены, когда пара отправлялась на промыслы в тайгу. Эта семья охотится на лося и дикого северного оленя, чтобы обеспечить мясом себя и родственников, а также с целью продажи мяса сельским жителям Светлого и Кропоткина. Охота на соболя производится из винтовки мелкого калибра и с помощью собак, принадлежащих семье. Шкурки сбываются в коопзверопромхоз в Бодайбо, где выдаются лицензии на соболиную охоту в определенных долинах. Летом и осенью семья собирает дикую чернику, бруснику и морошку. В 2006 году они собрали 6 бочек (60 литров каждая) ягод, которые пошли на производство напитков и варенья для собственного потребления и на продажу. В прошлом они собирали и замораживали до 35 бочек брусники. Семья также собирает небольшое количество дикой красной и черной смородины и дикорастущие грибы. Они также собирают несколько сортов традиционных лекарственных растений, таких как богульник (*Rhododendron spp.*), используемый русскими и эвенками в качестве отхаркивающего средства, золотой корень (*Radiola rosea*), являющийся тонизирующим энергетическим средством, и особый вид ископаемой жидкости, которую можно найти зимой на крутых склонах, известную под названием «жир камень» — лекарство, применяемое только эвенками. Свежее коровье или оленьё молоко взбивается для получения продукта под названием кёчу, который иногда смешивают с ягодами.

Семья Шильниковых содержит 35 оленей с применением системы открытого выпаса. Примечательно, что они до сих пор придерживаются системы пользования земли «рек» и говорят, что их олени пасутся в пределах бассейна одного небольшого притока (иллюстрация 1). Обе оленеводческие семьи Светлого держат свои стада в разных долинах. Летом Саша Шильников содержит летнее стойбище в 16 км от поселка, вверх по реке Нижняя Бугарихта. Семья использует это стойбище на протяжении 10 лет. На его территории находится кладбище, датированное 1878-м годом. На этом кладбище, подобно тому, что располагается на озере Толондо, находится несколь-

ко могил обращенных в христианство тунгусов из Жуюганского наслега. Могилы датируются 70-ми годами 19-го века. Три из них имеют деревянные надгробия с выгравированной на них информацией. Летнее стойбище на Бугарихте отмечено на исторической карте в качестве зимовья (рис. 7). Строрение представляет собой деревянный сруб с низким потолком и подпирающим столбом посередине и открытым чердаком. Говорят, что до того, как семья Шильниковых заняла этот дом, в нем жил пожилой якут.

Своего рода символ альянса семьи Шильниковых с золотодобытчиками, стойбища была частично разрушен золоторазведчиками, которые сломали бульдозером часть традиционных построек из коры и дерева, чтобы освободить место для собственных построек и ремонтных мастерских в период с 2002 по 2005 годы. Характерно то, что Шильниковы теперь используют эти постройки в сочетании с традиционными. Центром летнего лагеря является открытый загон для оленей площадью примерно в 1400 квадратных метров. Ворота загона стали держать открытыми после того, как заметили, что олени предпочитают отдыхать в течение дня в прохладной тени старой ремонтной мастерской, оставленной старателями. Вдобавок к небольшим дымокурам, устраиваемым в ведрах в самом загоне, Саша также разводит большой дымокур в старой металлической плите, на открытом воздухе непосредственно возле ремонтной мастерской, чтобы обеспечить более благоприятные условия для оленей. По словам Саши, олени знают, где находится их дом, и нет никакой нужды пристально наблюдать за стадом. Саша поддерживает огонь, чтобы отпугивать насекомых, обеспечивает животных солью и регулярно осуществляет дойку.

Семья владеет еще двумя лагерями, расположенными вверх и вниз по реке, постройки в которых — более традиционные. Семья следует за стадом, которое мигрирует вверх и вниз по долине реки Нижней Бугарихты на протяжении года. Животные движутся вверх по долине осенью, а зимой переходят в горные районы, где ветер сдувает снег, облегчая оленям поиск корма. Любимый олений летний корм — это пушица (*сибихта*) и грибы. С приближением весны олени перемещаются ближе к реке Жуге, так как снег вдоль ее берегов и на многочисленных лугах по бере-

гам тает раньше, чем в других местах. К сожалению, мы не смогли закартографировать обширные луга вдоль реки. Можно предположить, что именно ежегодное возвращение стад в эти места способствовало тому, что луга не зарастали в течение длительного времени. Весной олени меняют свою диету, переходя на молодую траву, иву и почки березы и лиственницы. Такой миграционный режим удобен для семьи, так как позволяет ей вести охоту с помощью ловушек и ружей в горных местностях осенью, зимой и весной. Сильно исхоженную тропу, следующую параллельно Нижней Бугарихте, можно рассматривать в качестве своего рода культурного маркера. Вдоль реки можно обнаружить и другие признаки обитания. Например, в двух километрах ниже по течению от летнего лагеря находится заброшенная оленеводческая стоянка с полуземлянками и чумом, который был частично разрушен в результате строительства дороги золотодобывающей компанией в начале 21-го века. Саша предполагает, что эта стойбища заброшено по меньшей мере 50 лет назад.

Семья использует свое небольшое стадо и для охоты на диких копытных, как это делалось в прошлом. Дикие северные олени приходят к долине Бугарихты с северо-запада (река Хомолхо и центральные районы Патомского нагорья) непосредственно перед тем, как у домашних оленей начинается осенний гон. Домашний олень в период гона иногда используется в качестве приманки для привлечения дикого оленя. Дикие олени находятся поблизости до наступления весенней миграции в маленькие долины (ключи), а также в горные районы. Оленеводы также охотятся на изюбря и сохатого. Семье требуется три домашних оленя для транспортировки туши дикого оленя, от четырех до пяти оленей для транспортировки изюбря и восемь-десять оленей для перевозки лося назад в прииск Светлый.

Интересно то, что жители поселков Светлый и Перевоз считают обе оленеводческие семьи якутскими. В то же время, генеалогия, фамилии и язык обеих семей — однозначно эвенкийские. Как уже упоминалось выше, эта локальная идентичность имеет отношение скорее к занятию этих семей перевозками, а также оленеводством, нежели к их реальной этнической идентичности. Это поднимает интересный вопрос о взаимосвязи умений и идентичности в этом регионе, вопрос,

требующий дальнейшего исследования. Понятие идентичности наиболее четко прослеживается в различии между русскими переселенцами (старожилами) и новоприбывшим русским, занятым на горных работах, которого мы относим к категории «промышленный русский». Русские переселенцы говорят о своем знании местности и о своих умениях в духе, близком к коренному населению.

Один из лучших примеров такой тенденции является собой Юрий Константинович Поталицын, который характеризует себя в качестве «частного фермера». В возрасте 70 лет, Поталицын — крепкий, трудолюбивый и весьма самоуверенный пенсионер, владеющий 350 гектарами земли в прииске Светлый и его окрестностях. Он живет в одном и том же доме с 1951 года и идентифицирует себя как русского. В то же время, он с большим жаром говорит о тайге и об эксплуатации, которой подвергалась его семья. Его прадед прибыл в район реки Жуй в середине 19-го века в качестве ссыльного каторжника. Он выжил за счет того, что построил зимовье ниже по течению, на реке Нечере и предоставлял ночлег для путников и их животных, следующих по торговому маршруту Мача-Вача-Бодайбо. В ходе интервью не удалось выяснить, был ли он женат на местной эвенкийской женщине, но было ясно, что он свободно говорил на русском, эвенкийском, якутском и китайском. Его правнук то и дело употреблял в интервью эвенкийские термины для описания географических объектов. В других, более красочных рассказах, его прадед представал одетым в эвенкийские чулки из оленьих шкур (торбаса), устанавливающим ловушки-самострелы на волков и владеющим большим стадом домашних оленей. Он буквально собрал свое стадо по тайге из оставших оленей, которые отбились от обоза, так как нетерпеливые перевозчики торопились прибыть к товарным складам в назначенный срок. Судя по всему, оленье хозяйство прадеда было довольно крепким, раз оно перешло по наследству его внуку. Юрий Константинович с большим воодушевлением говорит о своем собственном стаде в триста оленей, которых он использовал для пушного промысла и охоты на диких оленей в бассейне реки Жуй. Он держал стадо вплоть до 1990-х годов, до тех пор, пока возраст не заставил его перейти на комфортное проживание в деревне и относительную роскошь исполь-

зования лошадей во время охоты. Юрий до сих пор хранит несколько оленьих седел, которые он использовал во время охоты на оленях. Его пример следования смешанной традиции навыков и знания об окружающей среде служит уместным заключением для данной работы, в которой мы постарались показать важность свойств конкретного места в региональном хозяйстве, совсем не обязательно монополизированном той или иной этнической группой.

Заключение

В этом предварительном исследовании мы опирались на особенно информативный набор похозяйственных карточек и поселенных бланков Приполярной переписи 1926-27 гг., желая продемонстрировать пример того, как люди, домашние животные и пространство могут сосуществовать в выработке долговременной социальной и экономической адаптации, которая является продуктом деятельности многих участников, а не прерогативой той или иной культурной группы. Для иллюстрации нашего аргумента, мы произвели критический анализ категорий переписи 1926-27 годов, а именно терминов «домохозяйство» и «населенный пункт» и предположили, что местные категории, такие как «река», зимовье, «стоянки» и поляны формируют объекты со своей собственной историей. Мы попытались рассказать об этой истории тремя способами. Во-первых, через данные устной истории мы показали, что населенные места в тайге не ограничены плодородными сельскохозяйственными землями вдоль берегов главных рек, но могут быть изъяты у тайги и культивированы посредством выпаса на них домашних животных. Во-вторых, путем применения методов археологии окружающей среды мы показали, что отдельные места характеризуются наличием долговременных следов обитания, предвещающих прибытие в этот регион русских сборщиков пушной дани не менее, чем на 500 лет. В-третьих, через критический анализ опубликованной литературы по данному региону мы показали, что многие категории, использованные географами и регистраторами, подразумевали модель культурной эволюции, которая не всегда отражала все нюансы локального понимания окружающей среды. Через нашу критику мы продемонстрировали то, как сочетание се-

зонных миграций вдоль рек и создания пригодных для выпаса оленей и лошадей мест привели к складыванию гибкого способа хозяйствования, который выстоял в диалоге с крупным промышленным развитием, а также пережил падение советского индустриального государства. Наша работа демонстрирует то, как данные Приполярной переписи можно использовать для направления археологических и исторических исследований сибирского севера.

Слова благодарности

Данное исследование является продуктом работы большой группы людей, из которых все приняли участие в полевых работах и многие из которых описали полученные результаты в отдельных публикациях. Олег В. Кузнецов из Читинского Государственного Университета помог нам с раскопками в течение обоих полевых сезонов. Елена Г. Вологина из Института Земной Коры, сибирского отделения Российской Академии Наук помогала в раскопках и координировала основной анализ проб, взятых на озере Толондо в 2006. Оксана П. Виньковская из иркутского регионального музея возглавляла ботанический анализ заброшенных оленьих пастбищ. Наталья В. Кулагина из Института Земной Коры провела видовую идентификацию пыльцы, добытой при раскопках. Ребекка Зайкер и Кристофер Хилл, оба из Государственного Университета Бойса, помогали при раскопках в 2006 и 2007 гг., а также предоставили обширный комментарий к данной статье.

Исследование не могло быть осуществлено без помощи Юрия Константиновича Потилицына, коренного жителя прииска Светлый, который предоставил ценные советы касательно мест поселений эвенков в прошлом, и чья семья помогла нам в навигации по реке и организации полевых работ.

Исследование не могло быть осуществлено без материальной поддержки, снаряжения и экспертного знания работников Археологической Лаборатории Иркутского Государственного Технического Университета и логистической поддержки горнодобывающего предприятия «Светлый», базирующегося в Бодайбо. Мы благодарны Юрию Васильевичу Жаркову из золотодобывающей компании «Витим» и его дяде Юрию Алексе-

евичу Жаркову с предприятия «Светлый» за профессиональную и надежную организацию транспортировки нас и нашего снаряжения к берегам реки Жуй и обратно.

Литература

Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины 19 века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Петроград: Комитет Народных Комиссариатов земледелия. 1922. — С. 18-79.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. Москва: Наука, 1960. — 260 с.

Гибельман М.И. О тунгусах Олёмминского округа/УИЗвестия Государственного Русского Географического общества. 1925. Т.62., вып.2. — С. 33-51.

Гулевский О. Первооткрыватели рудного золота/Юблaстная газета. N 84(206) 27.07.2007. http://www.og-irk.ru/vp206/pervootkrivateli_rudnogo_zolota/view_3416.html [searched 03 апрель 2008]

Иохельсон В.И. К вопросу о развитии земледелия в Якутской области. Памятная книжка Якутской области на 1895 г. Якутск. 1896. Вып.1. — 167 с.

Инешин Е.М. Динамика развития ледниковых обстановок и заселение человеком Байкало-Патомского нагорья в плейстоцене — раннем голоцене (новые данные по гляциологии) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Из-во ИрГТУ, 2003. Вып.1. — С.50-58.

Кропоткин П. А. Отчет об Олемкинско-Витимской экспедиции для отыскания скотпрогонного пути из Нерчинского округа в Олёмминский снаряженной в 1866 году олёмминскими золотопромышленниками при содействии Сибирского отдела географического общества // Записки Русского Географического Общества. По Общей Географии. Отделение географии, математики и физики/ С-Пб: Из-во Безобразова и Ко, 1873. Т.3.

Кропоткин П.А. Записки Революционера. Москва, Мысль. 1966.

Лешков ВТ. История старинного Ленского прииска // Смирновский сборник. Под ред. Старостина В.И. Москва: РАЕН, 1996.

Лешков В.Г. Мача — таёжное село на Лене // Смирновский сборник. Под ред. Старостина В.И.

Москва, 1999.

Майнов И.И. Население Якутии // Якутия сборник статей. Под ред. П.Б. Витенбурга. Ленинград: Изд-во Академии Наук. 1927. с. 323-420.

Майнов И.И. Некоторые данные о тунгусах Якутского Края // Труды Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, Т. 2 Иркутск. 1898.

Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению статистики. С-Пб. 1912. Вып. 12.

Петри Б. Э. Задачи дальнейшего исследования туземцев Сибири и метод обследования целых народностей // Труды Первого Сибирского Краевого Научно-Исследовательского Съезда. Томск. 1928. Вып. V.

Самохин А.Т. Тунгусы Бодайбинского района // Сибирская живая старина. 1929. Вып. 8-9.— С. 5-66.

Серошевский В.Л. [1896]. Якуты, опыт этнографического исследования. Москва: РОССПЕН. 1993.

Материалы Приполярной переписи в Сибирском крае // Сибирский Краевой Статистический отдел. Красноярск: Изд-во Сиб. Краев. Стат. отдела, 1928. Вып.Л.

Сафронов Ф.Л. Русские на северо-востоке Азии в XVII середине XIX в. // Управление, служилые люди крестьяне, городское население. Москва: Наука, 1978.

Соколов А.Д. По следам государевых ямщиков. Якутск: Из-во Сакполиграфиздат, 2002.

Abe Y. Hunting and Butchery Patterns of the Evenki in Northern Transbaikalia // Unpublished PhD Dissertation, Stony Brook University. 2005.

Anderson D.G., Ineshin E.M., Ziker J. «The Spatial Demography of the 'Outer Taiga' of the Zhuia River Valley, Eastern Siberia» in D.G. Anderson (ed.). The 1926/27 Soviet Polar Census Oxford: Berghahn Press. (In press).

Aronsson Kjell-Ake. Pollen evidence of Saami settlement and reindeer herding in the boreal forests of northernmost Sweden — an example of modern

pollen rain studies as an aid in the interpretation of marginal human interference from fossil pollen data // Review of Palaeobotany and Palynology 82: 1994. С 37-45

Aronsson Kjell-Ake. Forest reindeer herding A.D. 1-1800 an archaeological and palaeoecological study in northern Sweden // Archaeology and Environment vol. 10. Umea University of Umea, Department of Archaeology. 1991.

Karlsson Nina. Soil Studies and Historical Archaeology: A Discussion on Forest Saami Settlements. Current Swedish Archaeology Vol. 12. — P. 105-120.

Melancon Michael. 1994. The Ninth Circle: The Lena Goldfield Workers and the Massacre of 4 April 1912 // Slavic Review 53, no. 3. — P.766-795

Rosenberg William G. Representing Workers and the Liberal Narrative of Modernity // Slavic Review. 1996. no.55 2. — P. 245-269.

Summary

This paper documents the work of an international, interdisciplinary team at documenting the current identity and social and economic structure of a group of Evenki-Iakut hunters and reindeer herders in living in the Zhuia river valley, Bodaibo district, Irkutsk oblast'. This region, which has been the focus of placer and hard rock gold mining for 150 years, has not been researched since the intensive demographic and economic work of I.I. Mainov in the XIX century and the Polar Census expedition of 1927. Combining together the existing sources on the economy and demography of the region, the authors argue that it is possible to identify a long-term continuity in the perception and the use of space. The use of 'river-valley' land tenure is demonstrated directly with ethnographic and historic work and indirectly through the analysis of anomalies in the primary record cards of the 1926-1927 Polar Census. This paper is an authorised translation of an earlier English language manuscript which will be published in 2011 by Berghahn Books, Oxford.